

Р.Р.

/лингвистическая пьеса для звукозаписывающего устройства/.

Посвящается
веселой науке -
лингвистике

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НАТАША - 37 лет, искусствовед
ГЕНА - 37 лет, инженер, муж Наташи
ТУСЯ - 40 лет, техник, сестра Гены
ВАЛЯ - 42 года, филолог
НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА - 65 лет, бывшая балерина,
мать Наташи
ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА - 67 лет, бывшая балерина,
тетя Наташи.
ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ - 65 лет, филолог
ЕЗЛА - 34 года, преподаватель истории, подруга
Ваши
АНДРЕЙ - 6 лет, сын Наташи и Гены

МЕСТО И ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

Праздничный обеденный стол. Хозяева, гости, старики, ребенок. Включен телевизор. Обстановка полной непринужденности. Звон и передвижение посуды. Разговор то возникает, то затихает.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Текст пьесы состарлен /с незначительными изменениями/ по книге "Русская разговорная речь", М., 1978г.

Н. /указывая на блюдо с грёнками/. Вальх, ты это самое...

В. Очень хочу попробовать!

Н. Ты попробуй, потому что... /Вдруг вспомнив/. М-м! А селедка-то где?

Т. А вот она!

Н.А. А я за мясо схватилась! Надо за селедку сначала.

Н. Тусенька, ты попробуй. Вот это хлеб еще. /Показывает на грёнки/.

Т. Сейчас. А что это?

Н. С перцем... Хлеб.

Г. /обращаясь к ребёнку/. Ма, Куков.

Н. Куков, ма!

Н.А. Слушайте, сначала селедку?

Н.АА....давайте селедочки. Туся, бери. Селедочка, знаешь, хорошая.

Т. Да нет, не могу. Ты же знаешь.

Н. Хорошая.

Н.А. Селедка чудная. Такая мягкая, я ее еле-еле очистила.

В.С. Финская?

Н.А. А?

В.С. Финская селедка?

Н.А. Почему финская? Исландская.

В.С. А я вот в Финляндии жил. Счет финский, к слову сказать, до сих пор помню. В Куоккале жил.

Т. Да?

В.С. Интеллигенция в Куоккалу ездила.

Н.А. Угу, угу... На дачу?

В.С. На дачу, да, но...там... общения с местным населением почти не было.

Т. Не было.

В.С. Ну, я правда играл там... /Пауза/.

Т. С мальчиками?

В.С. Да, с мальчиками. Счет финский, какие-то игры...

Т. Интересно, да.

Н.А. Да...э...занятный финский народ...

Т. Угу. /Пауза/.

В.С. Потом целый ряд было...м-и...э...э... было в еде особенностей...названий.Форшмак! Форшмак...э...армериттер, вот... /Пауза/. Такое блюдо было, это от немцев.

Н.А. Армериттер? Это я даже не знаю.

В.С. А-а! Это очень вкусно. Это вам надо как хозяйке.

Т. /перебивает/. А что это?

В.С. Ну... это делается омлет...э...с...булкой, намоченной в молоке.

Т. А-а! Ага.

В.С. И слегка подслащивается. /Смеется/. Дешево и быстро.

Н.А. Да, и можно взять на вооружение.

В.С. /с легким смехом/. Да... /Пауза/. можно-можно... можно.

Н. Андрюша, тебе удобно? Тебе, наверное, не очень удобно? Да?

Т. /за А./ Удобно. /Пауза/. Удобно. Там хорошо.

Н. Сейчас, давай, значит, нальем вина.

Г. Наташ, наливай вина, я...

Н. А я не умею. Я оболью.

Г. /берет бутылку/. Это что у нас здесь?

Н.А. Это кагор.

Г. А там?

Н. А это я сама делала.

Н.А. А это что?

Н. Ну, вот сейчас попробуем.

Т. /с иронией, отвечая на вопрос Н.А./ Простокваша с медом.

Б. /входя/. Слушайте! Я ведь сегодня слушала Квашу!

Н. Чего ты слушала?

Б. Я слушала Квашу, который читал в шестнадцать часов. Слушай, публика... совершенно набежала, вот не та, что обычно по абонементам.. То есть, и эта... Ну-у, там и тетя Лмечка была.

Т. А где?

Б. В Доме офицеров. Он читал Пушкина... /Пауза, вспоминает/. Он читал Маяковского... /Пауза, вспоминает,

щелкает языком/. Он читал Пастернака! /Пауза/. Он удивительно читал. /Пауза/.

Н. Здорово.

В. Еще бы! Да! Слушай, я встретила там Ритку Третьяковскую... Ты ее...

Т. А я не знаю.

В. Ну-у... Так вот они сейчас перевели... новую вещь Воиннегута...

Г. Она переводчица?

В. Она перевела со своей каткой.

Н. Знаешь, Катя говорила, что, когда его переводили, то надо все время делать купюры... Там идет мат, открытым текстом... Без перерыва.

В. Ну, они сделали купюры... Она же сокращена втрое. Это после "Колымели" написано, но до "Завтрака чемпиона".

Н. Угу.

В. Вот так вот.

Н. Там же идет сплошной мат.

В. Ага. /Пауза/. Причем, я говорю: Слушай! Вот у меня после "Завтрака чемпиона" осталось жуткое ощущение. Там...м-м...невероятно больной человек... Она говорит: Нет! Нет, это неверно.

Т. /тихо/. По-моему, наоборот.

В. Да-а. /Пауза/. Не-ет. Ну и что? Он ушиблен войной и боится за все человечество. Вот так вот. /Пауза/. А это очень крепкий?

Н. Не-е-т... Это все легкое, и кагор прекрасный. /Обращаясь к В. за подтверждением./ Валька! /Г./ Тусь, такой кагор вкусный... Ми...э-э... /Г. наливает В. и В. вино. В. останавливает его./

В. Ген-Ген-Ген-Ген-Гек-Ген! Это ты мне?

Г. Да.

В. /с иронией/. Комаров, ты же знаешь мой вкус!

Г. Ну, тебе понравился в последний раз.

А. А мне кагор?

В.С. Тебе нельзя, ты маленький.

Н.А.. А мне кагор, а мне кагор?

Н. /В./ Валь! Сходи на кухню... там грибы на окне...

Г. /В.С./ У нас, понимаешь... панели на кухне - серые, а я сделал светло-зеленые.

В.С. Правильно!

Г. Стены побелил. Уже начал. Правда не особенно удачно. Второй раз придется. Ничего, сделаю.

Н.А. Сделашь, сделаешь.

Г. Я обожаю.

В.С. Я знаю.

Г. Обожаю...

В.С. Это твое счастье, что любишь ручную работу.

Н.А. Андрей! Тебе... те стулья взяли, так ты стал... стал кресло... раскачивать... Нельзя!

Г. Да, Куков. Кресло раскачивать - оно развалится. /В.С./ А что твое кресло знаменитое - живое?

В.С. Нет. Они его куда-то... уволокли. Взяла с Яшей.

Г. А-а... да-а-а.

В.С. Нет...это не...

Г. Если бы... если бы я был свободный человек, я бы тебе его отремонтировал. Капитально.

В.С. Ты мне вот что отремонтируй...

Г. Что?

В.С. /шутливо/. Параличный столик.

Г. Что-что?

В.С. Параличный. Параличом разбит, он так шатается.

Г. Столик?

В.С. Дотронешься до него, да... Его надо все...весь раз-дернуть и переклеить.

Г. М-м...да...

В.С. Трудно?

Г. Так я не знаю, надо посмотреть, конечно. Потому что... во-первых, у меня инструмента нет, и потому

В.С. Да это я так, шутя сказал. Я...шутя сказал...

Г. Я вот Наташе соорудил... /Пауза/. ...табуреточку... /Пауза/. ... на одной ноге!

Н. Угу.

Г. Знаешь, внизу крестовина такая... Тоненькая такая ножка и круглая... Так Наташа ее немедленно, знаешь, как

окрестила?

В.С. Да?

Г. Поганкой!

Ф. /подходит к разговаривающим/. Как-как?

Г. Поганкой.

Ф. Почему?

Г. А?

Ф. Почему?

Г. Потому что она имеет форму гриба. Ты понимаешь? Так и называет: поганочьи ноги... И сама хохочет.

В. /возвращаясь/. Кому грибы?

Г. Мне!

В. Если очень попросишь, то дам.

Г. А я уже давно прошу.

Н. А как же селедка? /По телевизору в это время передают концерт./

Т.А. /обращается к Г./ Гена, убавь, пожалуйста, это... эту...

Н.А. Да, эту муру...

Т.А. Два бродячих нищих. /О флейтистах, которых показывают по телевизору/.

Н.А. Да.

Т.А. Немножко потише.

В.С. Флейты, такие сейчас флейты?

Т.А. Угу. /Пауза/. А какие были раньше актеры! Черкасов... Чирков...

Н.А. Да, господа! Черка-а-сов... Чирко-о-в...

Т.А. Это было всерьез.

Н.А. Николай Палыч Акимов у нас ставил.

Т.А. Да-а... Вот, "Святые брака" он...

Н.А. Да-а...

Т.А. ...ставил. Это была... /Пауза/. ...напряженная... т-такой очаровательный спектакль! И...

Н.А. /Перебивая/. Вот тогда Сережа Филиппов... /Пауза/. ...можно сказать вошел...

Т.А. /подсказывая и перебивая/. Начина-а-л!

Н.А. Начи... он же был!

Т.А. /перебивая/. Появлялся!

Н.А. /продолжая одновременно с Т.А./. ...акробатический...

Т.А. Да. Он был... да!...

Н.А. ...кончал техникум, а потом... /Пауза/. ...Акимов его... /Пауза/. ...оставил и... /Пауза/. ...и он уже начал свою... /Пауза/. ...драматическую карьеру.

Г. Это Филиппов-то?

Н.А. Да-а.

Ф. Нет, ну, он играл все вре-е-мя...

Н.А. Да-а.

Т.А. /обращаясь к Г./ Ну, играл... понимаешь, Гена, а-а... ка-а-кой! Как Филиппов сыграл эту роль! Не было...

В.С. /перебивая/. Ну, я не помню... он всегда играл.

Т. /вступая в разговор/. Какой Филиппов?

Т.А. Да Сережа Филиппов!

Н.А. Да Сережа Филиппов! Сэнэ, как он себя называл.

Т.А. Он называл себя: Сэнэ. Потому что...

Н.А. /перебивая/. Он говорит: Называйте меня Сэнэ, Сергеем Николаич.

Т.А. /перебивая/. Сергей Николаич.

Г. Виктор Семанович, пейте кагор. Он вам не понравился?

В.С. Понравился, но пить я его не хочу.

А. Что-то у тебя... тетя...а... этой... Дайте мне, пожалуйста, жареный хлебушек!

Т.А. Жареный хлебушек? Конечно, бери любой кусочек.

Г. /Т., указывая на бутылку/. Этого?

Т. Угу. И ветчины немного.

Г. Бери лучше язык. Или селедку.

В.С. /Б./ Ну, в общем, у каждого формируется свой язык, в каких-то определенных условиях... У одних он формируется... /Пауза/. ...только в течении, вот... детства и юности... Я думаю, что мой язык формировался все время. Ну, в общем, значительную...э-э... роль сыграло мое детство. В формировании языка, вот, произноше-е-ния, даже некоторых оши-и-бок речи, которые для меня типичны... Ну, скажем, я произношу "оне" вместо "они".

Б. Да?

В.С. Да.

Б. Даже сейчас?

В.С. И... и сейчас... это у меня, очень трудно иногда от-
выкнуть. Говорят, что это "оне" типично для петербург-
ского произношения.

Б. Угу.

В.С. Но дело в том, что петербургского-то произношения не
сохранилось ни у кого.

Б. Ну, очень мало, но, наверно, все-таки есть?

В.С. Вымер город! Вымер вот, в блокаду.

Б. Ну, я понимаю, ну, не совсем все-таки...

В.С. В блокаду, потом война.

Т.А. Да.

В.С. Потом... революция...м-м...полная смена...

Т.А. Переезды всякие, и вот все это...

В.С. Да. Но это в прошлом...

Т.А. /с иронией в голосе/. Я тоже вся в прошлом, и все у
меня...

Т. /со смехом/. Да... было.

Т.А. Все было, и ничего нет. /Смеется/. И ничего нет. И
вот живу теперь безо всяких забот. Когда был участок
, сколько было забот! Ай-яй-яй-яй-яй! И когда я все
это успевала делать! Шестнадцать соток!

Т. О, большой какой!

Т.А. Да. А домик маленький. Надо показать вам... э-э...

Н. Фотографию, да?

Т.А. Фотографию. Сейчас. Где же? Это... /Ищет. Пауза/.

Куда я дела свою сумочку? Ох, старость, вот она!

Старость - не радость. Девушки, дорогие мои, ста-

рость - не радость. Старость - это... гадость.

/Смех/. Самая настоящая гадость. /Смеется/. /Па-

уза. Протягивает фотографию/. Вот это я была, когда
была не старая. /Смеется/. Двадцать пять лет!

Б. У-у! Какая прекрасная фотография!

В. Колосса-а-льный, колоссальный клуб там, чудный, там,
во-первых, и широкоэкранный он, и вообще, так ска-
зать. Главное, воздуха много, народу мало, все чудес-
но.

В.С. Интересно, что в Петербурге целый ряд был особенностей в еде. Например, кисели, компоты всегда горячие.

Н. Валь, слушай-ка, я про другое хотела спросить. Ты, наверно, уже смотрела эти "Дни Турбиных"?

Т.А. А есть ли что похожего? Ничего, наверное?

Т. Есть..

Н. Есть!

Т.А. Можно подумать, что я - самозванка.

Б. Ты знаешь... она очень динамична... там эти две лестницы, то вперед кто-то бежит, то кто снизу, кто вверх спускается, все, и вот его этот знаменитый монолог, но понимаешь, он ведь очень просто, там трагическая сцена, и очень сильно трагедийный образ...

Г. А я, между прочим, тоже люблю горячий, даже вот и сейчас... кисель...

Н.А. Да. Да.

В. Угу.

Б. Я люблю такие старинные фотографии.

Т.А. Да.

В.С. Потому... и-и... чай с молоком! Чай с молоком!

Г. А сейчас она лежит, заболела инфекционной желтухой.

Б. Вы и сейчас хорошо выглядите.

Т.А. Хорошо выгляжу?

Н. Говорят, эти микробы через слюну передаются!

В. А если обернуть в бумажку, я думаю, ничего...

Н.А. Горьковатые какие-то... да...

Б. Угу.

В.С. Чай с молоком.

Г. Да-да-да...

А. Еще жареного хлебунка!

В.С. Формируется язык... в определенных условиях...

Н.А. Да...

Г. Угу. Так сказать... э-э... разговорная речь.

В.С. Совершенно верно! Разговорная речь.

/Разговор продолжается/.